

Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии

Т.А. Рябиченко*,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
tanarimail@gmail.com

Н.М. Лебедева**,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
nlebedeva@hse.ru

И.Д. Плотка***,
Балтийская Международная Академия, Рига, Латвия
irinaplotka@inbox.lv

В статье представлены результаты сравнительного исследования взаимосвязей различных видов социальной идентичности (этнической, гражданской и идентичности с местом) со стратегиями аккультурации (ассимиляцией и интеграцией) и показателями психологической адаптации (удовлетворенностью жизнью и самоуважением) русских в двух социокультурных контекстах — Латвии и Грузии. Участниками исследования стали 320 русских Латвии ($M = 42,89$; $SD = 21,19$) и 312 русских Грузии ($M = 31,11$; $SD = 11,67$). Для проверки взаимосвязей использовался путевой анализ. Результаты показали, что с интеграцией в обеих странах связаны гражданская идентичность и идентичность с местом. Прямая связь идентичности с местом и показателями психологического благополучия носит универсальный характер для исследуемых стран, тогда как характер взаимосвязей гражданской и этнической идентичности с показателями психологического благополучия зависит от контекста. Универсальным для Латвии и Грузии является непрямой позитивный эффект гражданской идентичности и идентичности с местом на самоуважение через стратегию интеграции.

Ключевые слова: этническая идентичность, гражданская идентичность, идентичность с местом, интеграция, адаптация, стратегии аккультурации, этнические меньшинства.

Для цитаты:

Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М., Плотка И.Д. Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 2. С. 54–64. doi: 10.17759/chp.2019150206

For citation:

Ryabichenko T.A., Lebedeva N.M., Plotka I.D. Multiple Identities, Acculturation and Adaptation of Russians in Latvia and Georgia. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2019. Vol. 15, no. 2, pp. 54–64. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2019150206

* *Рябиченко Татьяна Анатольевна*, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия. E-mail: tryabichenko@hse.ru

** *Лебедева Надежда Михайловна*, доктор психологических наук, профессор, заведующая Международной научно-учебной лабораторией социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия. E-mail: nlebedeva@hse.ru

*** *Плотка Ирина Даниловна*, доктор психологии, профессор, директор направления «Психология», директор профессиональной магистерской программы «Психология», Балтийская Международная Академия, Рига, Латвия. E-mail: irinaplotka@inbox.lv

Ryabichenko Tatiana Anatolyevna, PhD in Psychology, Senior Research Fellow, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. E-mail: tryabichenko@hse.ru

Lebedeva Nadezhda Mikhaylovna, PhD in Psychology, Professor, Head of the International Laboratory for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. E-mail: nlebedeva@hse.ru

Plotka Irina Danilovna, PhD in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychology, Director of Master's Programme in Psychology, Riga, Latvia. E-mail: irinaplotka@inbox.lv

Multiple Identities, Acculturation and Adaptation of Russians in Latvia and Georgia

T.A. Ryabichenko,
NRU HSE, Moscow, Russia,
tryabichenko@hse.ru

N.M. Lebedeva,
NRU HSE, Moscow, Russia,
nlebedeva@hse.ru

I.D. Plotka,
Baltic International Academy, Riga, Latvia
irinaplotka@inbox.lv

The article presents the results of a comparative study examining the relationship between different types of social identity (ethnic, national, and place identity), acculturation strategies (assimilation, integration), and psychological adaptation (satisfaction with life and self-esteem) of Russians in two sociocultural contexts: Latvia and Georgia. Participants were 320 Russians in Latvia ($M = 42,89$; $SD = 21,19$), and 312 Russians in Georgia ($M = 31,11$; $SD = 11,67$). Path analysis was used to test the relationships. The results showed that national and place identities related to integration in both countries. Direct effects of place identity on psychological well-being are universal for the studied countries, while relationships of national and ethnic identities with well-being are context specific. Indirect positive effects of national and place identities on self-esteem through integration are universal in Latvia and Georgia.

Keywords: ethnic identity, national identity, place identity, integration, adaptation, acculturation strategies, ethnic minorities.

Введение

Гражданскую и этническую идентичность часто рассматривают в качестве психологических измерений аккультурации [22; 34]. Но идентичность формируется, во-первых, именно в том месте, где мы живем [16], во-вторых, взаимодействие личности с этим местом может давать важное для адаптации «чувство дома» [29]. Поэтому мы считаем необходимым включение «идентичности с местом» (place identity) в исследования аккультурации в дополнение к другим видам идентичности.

На аккультурацию и ее связь с адаптацией существенное влияние оказывает контекст аккультурации [38]. Поэтому теоретический и практический интерес представляет изучение аккультурации русских на пространстве бывшего СССР, поскольку условия проживания русских на постсоветском пространстве сказываются и на их идентичности, и на процессе аккультурации в целом.

Целью исследования стало сравнение взаимосвязей различных видов идентичности и стратегий аккультурации с психологическим благополучием русского меньшинства в Грузии и Латвии, что позволит проанализировать обусловленные контекстом особенности этих взаимосвязей и адаптации русских жителей этих постсоветских стран.

Теоретический подход к исследованию аккультурации

В исследовании мы будем придерживаться теоретического подхода, в котором разграничиваются

условия аккультурации, аккультурационные ориентации (стратегии) и результаты аккультурации [6].

К условиям аккультурации относятся:

— особенности принимающего общества — идеология и политика мультикультурализма обеспечивают успешную интеграцию мигрантов и этнических меньшинств [8], а дискриминация и неравенство препятствуют интеграции, ухудшая адаптацию [9];

— особенности групп — этническая жизнеспособность (ethnic vitality) группы меньшинства позволяет группе выступать в качестве коллективного субъекта и ориентироваться в большей мере на собственные приоритеты, чем на требования большинства [3], а соответствие или несоответствие аккультурационных предпочтений большинства и меньшинства отражаются в восприятии межгрупповой угрозы [15; 28];

— индивидуальные характеристики — это возраст, продолжительность проживания в стране, социальный статус [6; 19], личностные характеристики: идентичность [10], ценности [5].

Аккультурационные ориентации связывают условия аккультурации с ее результатами. Широкое распространение получила модель аккультурации, предложенная Д. Берри [7]. В ней описаны четыре стратегии, являющиеся результатом комбинации установок на сохранение культуры происхождения и на контакты с группой большинства. Это ассимиляция (отказ от собственной культуры в пользу культуры большинства), сепарация (сохранение только собственной культуры), интеграция (сохранение ключевых особенностей собственной культуры с одновременным принятием элементов культу-

ры большинства) и маргинализация (отказ от обеих культур).

Стратегии аккультурации взаимосвязаны с ее *результатами* — социокультурной и психологической адаптацией [10]. Психологическая адаптация определяется через показатели психологического благополучия; социокультурная адаптация отражена в навыках, приобретаемых в условиях жизни в иной культуре [39]. Несмотря на тесную взаимосвязь двух видов адаптации, они могут иметь различные предикторы [19]. Известно, что с течением времени уровень социокультурной адаптации растет; для психологической адаптации такая зависимость проявляется не всегда [6; 39]. Наилучшие адаптационные результаты дает стратегия интеграции, а маргинализация считается наименее успешной [10].

В нашем исследовании в качестве *условий аккультурации* мы используем различные виды социальной идентичности — этническую, гражданскую и идентичность с местом; в качестве *аккультурационных ориентаций (стратегий)* — интеграцию и ассимиляцию (мы предполагаем, что они являются наиболее вероятными в рассматриваемых контекстах); в качестве *результатов аккультурации* — удовлетворенность жизнью и самоуважение.

Множественные идентичности и аккультурация

Аккультурация включает в себя широкий диапазон паттернов поведения, установок, ценностей, норм, личностных характеристик, которые могут изменяться в условиях контакта [38]. Идентичность — более узкий концепт, однако в аккультурации различные виды идентичности, или множественные идентичности (культурная, этническая, гражданская и другие), играют решающую роль [22; 26], актуализируясь в различных условиях в неодинаковой степени.

Этническая идентичность относится к самоощущению индивида с точки зрения принадлежности к определенной этнической группе, гражданская идентичность — с точки зрения принадлежности к нации или национальному государству [21; 22]. В группе большинства эти идентичности, как правило, не противоречат друг другу, для меньшинств это не всегда так: полная интеграция этнической и гражданской идентичностей может оказаться затруднительной, что может быть вызвано статусными различиями групп в обществе и существованием жестких групповых границ. В результате множественные идентичности формируют сложную структуру, которая может меняться в процессе аккультурации [11].

Соотношение этнической и гражданской идентичностей сопоставимо со стратегиями аккультурации в модели Д. Берри. Интеграции соответствует бикультурная идентичность — это выраженные этническая и гражданская идентичности. Сепарационная идентичность — это сочетание выраженной этнической идентичности и отсутствия идентификации с

большинством, ассимилированная идентичность — выраженная идентификация с большинством, маргинализованная идентичность — отсутствие идентификации с обеими группами [22]. Для психологической адаптации наиболее выигрышной является бикультурная идентичность [10; 24]. Результаты взаимосвязи отдельных видов идентичности с психологическим благополучием зависят от контекста: в одних контекстах с лучшей психологической адаптацией связаны сепарация и выраженная этническая идентичность [10], в других — ассимиляция и выраженная гражданская идентичность [26], т. е. выигрышными с точки зрения успешности адаптации могут быть разные комбинации идентичностей [22].

Говоря об идентичности в различных контекстах, нельзя игнорировать и тот факт, что она формируется в том месте, где живет человек. По мнению С. Хаслама и коллег, именно место является одним из самых мощных якорей и символов того, кем мы являемся в социальном и человеческом смысле. Идентичность не только дает людям чувство принадлежности, но и обеспечивает их чувством, *где именно* эта принадлежность возникает и существует [16]. Для нашего исследования идентичность с местом является важной, именно она может играть существенную роль в аккультурации этнических меньшинств в условиях, когда гражданская идентичность может быть проблематичной, а этническая — находиться под угрозой в силу разных причин.

Идентичность с местом представляет собой результат самокатегоризации на основе принадлежности к определенному месту [13]. Можно предположить, что чем больше характеристики места будут соответствовать личностным особенностям и ценностям, тем сильнее будет идентификация с этим местом, тем более будет выражена установка представителей этнического меньшинства на интеграцию и выше уровень психологической адаптации.

Нами сформулированы следующие исследовательские вопросы.

1. Различается ли характер взаимосвязей разных видов социальной идентичности с различными аккультурационными стратегиями русских в Латвии и Грузии?

2. Различается ли характер взаимосвязей стратегий аккультурации с показателями психологического благополучия у русских в Латвии и Грузии?

3. Различается ли характер взаимосвязей разных видов социальной идентичности с показателями психологического благополучия у русских в Латвии и Грузии?

4. Опосредуют ли аккультурационные стратегии русских в Латвии и Грузии взаимосвязи различных видов идентичности с показателями психологического благополучия?

Для ответов на поставленные нами вопросы была построена модель взаимосвязи множественных идентичностей со стратегиями аккультурации и психологическим благополучием (рис. 1), которую мы протестировали на русских респондентах в Латвии и Грузии.

Контекст аккультурации русских в Латвии и Грузии

Русские в Латвии

Численность. По данным переписи населения 1989 г., русские составляли 34% населения республики, сейчас русские составляют 25,8% населения Латвии и являются самым многочисленным этническим меньшинством [23; 35]. Положение русских специфично: группа занимает промежуточное положение между этническими меньшинствами и мигрантами, поскольку изменение статуса русских произошло только после распада СССР [33].

Политика гражданства. После восстановления Латвией независимости гражданство было предоставлено гражданам Латвии, проживавшим на ее территории до 1940 г., и их потомкам; для остальных предусматривался процесс натурализации. В результате 29% населения остались без гражданства, что стало исключительным случаем не только в Европейском Союзе, но и за его пределами [30]. Большинство неграждан составили русские. После вхождения Латвии в состав Евросоюза процесс натурализации ускорился, количество неграждан снизилось [18]. Русские Латвии участвуют в политической жизни, поддерживаемые ими партии представлены в парламенте [30].

Язык. В независимой Латвии единственным государственным языком является латышский. С 2004 г. 60% уроков в русских школах должны проводиться на латышском языке.

Межкультурные отношения. Ассимиляционистские тенденции, которые прослеживаются в интеграционной политике Латвии, усилили восприятие культурной угрозы как меньшинствами, так и большинством и снизили чувство принадлежности русских к Латвии [18; 23].

Русские в Грузии

Численность. После распада СССР количество этнических меньшинств в Грузии снизилось с 29,9% в 1989 г. до 16,2% в 2002 [25]. Количество русских — с

6,5% до 1,5%, в основном за счет эмиграции, вызванной ухудшением экономической ситуации, политической напряженностью 90-х гг. XX в. и военными конфликтами в Южной Осетии и Абхазии [37]. В 2014 г. русские были третьей по численности группой меньшинств, составляя 0,7% населения [14].

Политика гражданства. В соответствии с Законом о гражданстве 1993 г. правом на гражданство обладали все, кто проживал на территории Грузии не менее пяти лет, предоставление гражданства не зависело от происхождения и знания языка, что отличало политику Грузии от политики стран Балтии [25]. Однако меньшинства слабо представлены во властных структурах и практически не участвуют в принятии решений на государственном уровне [40].

Язык. Провозглашение грузинского языка в качестве официального способствовало отходу этнических меньшинств от участия в политической жизни и ухудшило отношения между этническими группами [25; 37; 40]. Меньшинства имеют право на получение образования в школах на родном языке [37], с 2010 г. в таких школах преподавание грузинского языка и литературы и социальных наук на грузинском языке стало обязательным [25].

Межкультурные отношения. Националистическая риторика, царившая в стране в начале 1990-х гг., привела к возникновению недоверия между грузинским и негрузинским населением. Конфликты в Южной Осетии и Абхазии привели к тому, что вопросы, касающиеся этнических меньшинств, часто рассматриваются через призму этих конфликтов. Результатом являются представления о меньшинствах как об источниках потенциальной угрозы [32; 41]. Поэтому, несмотря на существование государственной политики, направленной на интеграцию, прослеживается курс на моноэтнизацию общества [1].

Объединяет русских в Латвии и Грузии то, что они столкнулись с задачей аккультурации в условиях тотального доминирования инокультурного большинства. В качестве очевидных различий мож-

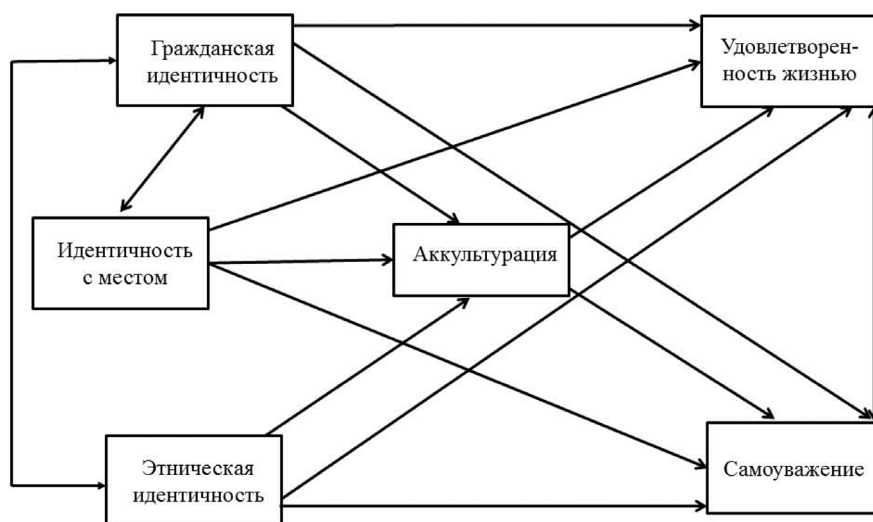


Рис. 1. Модель взаимосвязи множественных идентичностей с аккультурационными установками и показателями психологической адаптации

но выделить различия в относительной численности русских, участие в официальной политической жизни (в пользу Латвии), что может привести к различиям в этнической жизнеспособности групп (также в пользу Латвии), и различия в политике гражданства (в пользу Грузии).

Метод

Был использован метод социально-психологического опроса. В опросе приняли участие 320 проживающих в Латвии русских в возрасте от 16 до 85 лет ($M = 42,89$; $SD = 21,19$), 15% выборки — мужчины, и 312 проживающих в Грузии русских в возрасте от 14 до 67 лет ($M = 31,11$; $SD = 11,67$), 32% выборки — мужчины.

Теоретическая модель (см. рис. 1) была протестирована по отдельности для двух стратегий аккультурации: ассимиляции («модель ассимиляции») и интеграции («модель интеграции»).

Методики исследования

В работе были использованы шкалы этнической и гражданской идентичности, стратегий аккультурации, самоуважения и удовлетворенности жизнью из опросника MIRIPS (оригинальная версия опросника: <http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips>), переведенного на русский язык и адаптированного в предыдущих исследованиях [2], и шкала идентичности с местом [13]. Оценка проводилась по шкале от 1 — «Абсолютно не согласен» до 5 — «Абсолютно согласен».

Шкала *этнической идентичности* (4 пункта). Пример: «Я горжусь тем, что я русский».

Шкала *гражданской идентичности* (4 пункта). Пример: «Я чувствую себя частью латышской (грузинской) культуры».

Шкала *идентичности с местом* (7 пунктов). Респондентам предлагалось оценить степень согласия с утверждениями, отвечающими на вопрос, чем для них является Латвия (Грузия), если ее рассматривать в качестве места проживания. Пример: «Это место отражает тип человека, которым я являюсь».

Шкалы стратегий аккультурации: интеграции и

ассимиляции (по 4 пункта каждая). Например: «Для меня важно владеть в совершенстве и русским, и латышским (грузинским) языками» (интеграция), «Владеть в совершенстве латышским (грузинским) языком для меня важнее, чем русским» (ассимиляция).

Удовлетворенность жизнью [13] (4 пункта). Пример: «У меня есть все, что мне необходимо в жизни».

Самоуважение [35] (4 пункта). Пример: «Я чувствую, что вполне достоин уважения, по крайней мере, наравне с другими».

Демографические переменные: пол, возраст, этническая принадлежность.

Обработка данных

При проверке гипотез использовался метод моделирования структурными уравнениями. Путевые модели были построены в приложении SPSS AMOS 20 [5]. Сравнение средних проводилось при помощи t-критерия Стьюдента для независимых выборок в программе SPSS 22.

Результаты

Результаты сравнения средних по анализируемому переменным в группах русских Латвии и Грузии представлены в таблице. Для оценки значимости различий мы использовали t-тест, а также индикатор размера эффекта (Cohen's d).

Как видно из таблицы, идентичность с местом и гражданская идентичность выше у русских Грузии, различия в этнической идентичности незначимы. Ориентация на интеграцию выше у русских Грузии, чем у русских в Латвии, найденный для ассимиляции эффект очень мал. По уровню самоуважения различий между группами нет, удовлетворенность жизнью выше у русских Латвии.

Для проверки взаимосвязей множественных идентичностей со стратегиями аккультурации и показателями психологической адаптации были построены и протестированы путевые модели в обеих выборках. Также оценивалась возможность существования не-прямых эффектов разных видов идентичности на удовлетворенность жизнью и самоуважение. Для

Таблица

Средние значения анализируемых переменных и их сравнение

Переменная	Альфа Кронбаха		Среднее значение (Станд. откл.)		t	Cohen's d
	Латвия	Грузия	Латвия	Грузия		
Идентичность с местом	0,85	0,89	3,32 (0,91)	3,79 (0,67)	-7,37***	0,59
Этническая идентичность	0,86	0,76	4,14 (0,80)	4,03 (0,95)	1,59	0,13
Гражданская идентичность	0,85	0,85	3,12 (1,01)	3,91 (0,83)	-10,73***	0,85
Ассимиляция	0,81	0,62	1,79 (0,82)	1,67 (0,54)	2,14*	0,17
Интеграция	0,75	0,67	4,00 (0,75)	4,33 (0,54)	-6,32***	0,50
Удовлетворенность жизнью	0,83	0,73	3,23 (0,89)	2,73 (0,82)	7,61***	0,62
Самоуважение	0,84	0,70	4,11 (0,72)	4,12 (0,53)	-0,12	0,02

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$; «***» — $p \leq 0,001$.

этого был использован метод оценки максимального правдоподобия со скорректированными оценками параметров и стандартных ошибок, количество извлекаемых псевдовыборок – 5000.

Результаты, полученные для «модели ассимиляции», приводятся на рис. 2.

Приведенные на рис. 2 результаты показывают, что идентичность с местом негативно связана с установкой на ассимиляцию только в Грузии. Для гражданской идентичности и стратегии ассимиляции в этой группе найдена позитивная взаимосвязь. Этническая идентичность и ассимиляция связаны негативно в обеих группах. В свою очередь, ассимиляция негативно связана с самоуважением, эта взаимосвязь выявлена в обеих группах. Также обнаружены пря-

мые позитивные эффекты идентичности с местом на самоуважение и удовлетворенность жизнью; непрямые эффекты данного вида идентичности на показатели психологического благополучия отсутствуют. Обнаружены не прямой позитивный эффект этнической идентичности на самоуважение в группе русских Латвии и Грузии ($\beta = 0,13$; $p \leq 0,001$ и $\beta = 0,02$; $p \leq 0,05$ соответственно) и прямой негативный эффект – на удовлетворенность жизнью в группе русских Грузии. Для гражданской идентичности прямых эффектов не обнаружено, но существует не прямой негативный эффект данного вида идентичности на самоуважение в Грузии ($\beta = -0,03$; $p \leq 0,05$).

Полученные для «модели интеграции» результаты приведены на рис. 3.

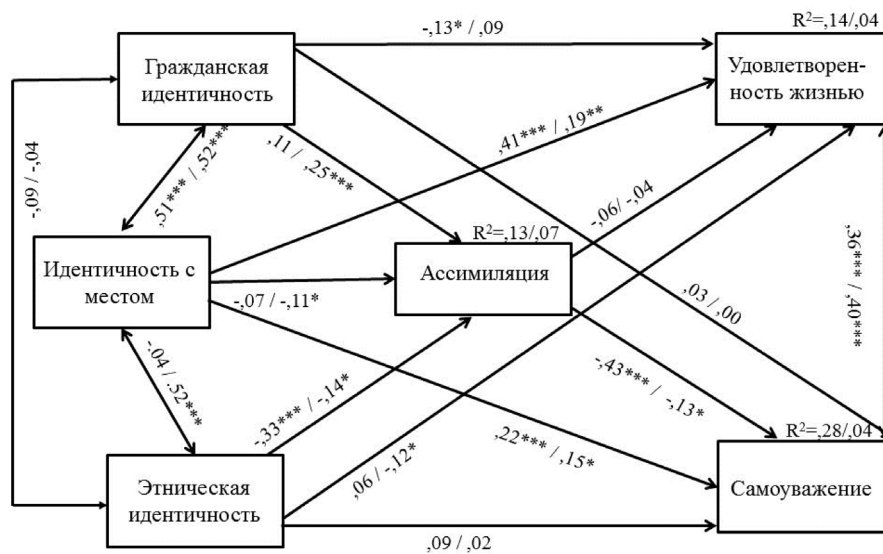


Рис. 2. Путевая модель ассимиляции со стандартизированными прямыми эффектами: коэффициенты для Латвии и Грузии даны через «/»; «*» – $p < 0,05$; «**» – $p < 0,01$; «***» – $p < 0,001$; характеристики моделей: $\chi^2/df = 1,19/1,76$; $p = 0,28/0,17$; RMSEA = $0,02/0,05$; CFI = $0,99/0,99$; SRMR = $0,02/0,03$

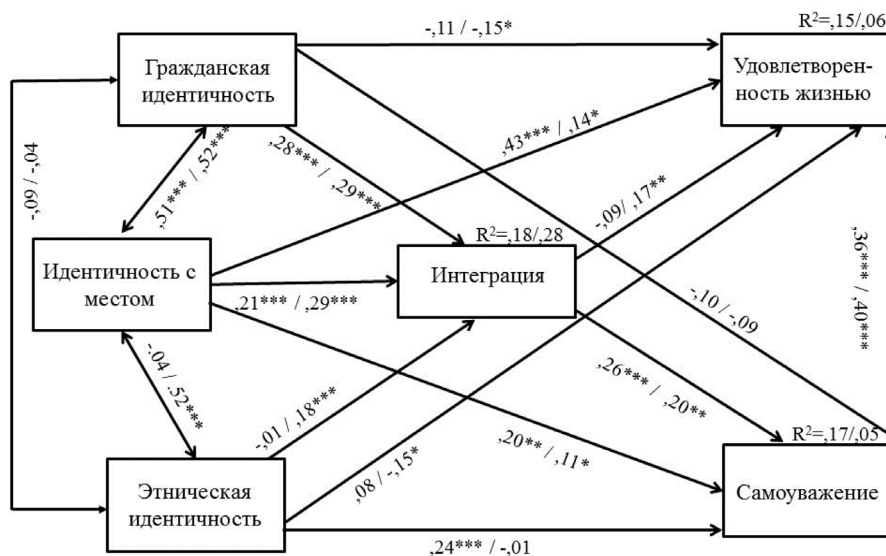


Рис. 3. Путевая модель интеграции со стандартизированными прямыми эффектами: коэффициенты для Латвии и Грузии даны через «/»; «*» – $p < 0,05$; «**» – $p < 0,01$; «***» – $p < 0,001$; характеристики моделей: $\chi^2/df = 1,19/2,67$; $p = 0,28/0,07$; RMSEA = $0,02/0,07$; CFI = $0,99/0,99$; SRMR = $0,02/0,03$

В обеих группах с интеграцией оказались позитивно взаимосвязаны идентичность с местом и гражданская идентичность, найдена позитивная взаимосвязь этнической идентичности и интеграции в группе русских в Грузии. Стратегия интеграции позитивно взаимосвязана с самоуважением в двух группах, с удовлетворенностью жизнью — в группе русских в Грузии. Для идентичности с местом обнаружены прямые позитивные эффекты на удовлетворенность жизнью и самоуважение в двух группах. В обеих группах найдены не прямые позитивные эффекты идентичности с местом на самоуважение через интеграцию ($\beta = 0,05$; $p \leq 0,001$ и $\beta = 0,05$; $p \leq 0,01$ соответственно), в Грузии — не прямой позитивный эффект на удовлетворенность жизнью ($\beta = 0,06$, $p \leq 0,01$). Гражданская идентичность негативно взаимосвязана с удовлетворенностью жизнью в Грузии, найдены не прямые позитивные эффекты гражданской идентичности на самоуважение в обеих группах ($\beta = 0,07$; $p \leq 0,001$ и $\beta = 0,06$; $p \leq 0,01$ соответственно). Этническая идентичность позитивно взаимосвязана с самоуважением в группе русских Латвии и негативно взаимосвязана с удовлетворенностью жизнью в группе русских Грузии. В Грузии обнаружены позитивные не прямые эффекты этнической идентичности на удовлетворенность жизнью ($\beta = 0,03$; $p \leq 0,05$) и самоуважение ($\beta = 0,04$; $p \leq 0,01$) через интеграцию.

Обсуждение полученных результатов

Как показало исследование, в группе русских Грузии ориентация на интеграцию выше, чем в группе русских Латвии. На наш взгляд, это является результатом более лояльной по сравнению с Латвией политики Грузии в вопросах предоставления гражданства. Данный вывод подкрепляется и результатом сравнения гражданской идентичности русских в этих странах — в Грузии ее уровень оказался более высоким (см. табл.), в то время как в уровнях этнической идентичности различий не наблюдается. При этом в обеих странах ориентация русских на интеграцию является преобладающей по сравнению с ассимиляцией.

Были выявлены различия во взаимосвязях разных видов идентичности с аккультурационными установками русских в Латвии и Грузии, которые, на наш взгляд, определяются спецификой рассматриваемых контекстов. Так, предикторами интеграции в Латвии являются гражданская идентичность и идентичность с местом, в Грузии — это идентичность с местом, гражданская и этническая идентичности. То, что этническая идентичность русских «уходит» из сферы интеграции русских Латвии, может быть результатом ассимиляционистского крена в интеграционной политике этого государства [23]. В то же время этническая идентичность препятствует ассимиляции в обеих странах, т. е. служит сохранению этнической культуры группы в процессе происходящих изменений. В свою очередь, гражданская идентичность может быть связана с ориентацией на ассимиляцию, что наблюдается в Грузии. Последнее, на наш взгляд, может объясняться

малочисленностью данной группы и, как следствие, сниженной этнической жизнеспособностью. Интересными являются взаимосвязи идентичности с местом и стратегиями аккультурации. В обоих государствах она способствует интеграции, т. е. функционально подкрепляет гражданскую идентичность, но не тождественна ей. Различия обнаруживаются в «модели ассимиляции» русских в Грузии, где идентичность с местом препятствует выбору ассимиляции, способствуя сохранению этнической культуры укоренившейся на данной территории группы, когда этому угрожает ассимиляция [1]. В данном случае идентичность с местом подкрепляет функцию этнической идентичности, а не гражданской.

Что касается взаимосвязей стратегий аккультурации и психологического благополучия, то независимыми от контекста оказались позитивные взаимосвязи интеграции с самоуважением, что свидетельствует об особой роли этой стратегии в психологической адаптации меньшинств. Данный результат находится в полном соответствии с предложенной Д. Берри гипотезой интеграции: «... двойная вовлеченность групп и их членов <...> способствует достижению большего психологического <...> благополучия, чем участие в жизни только одной культурной группы» [3, с. 50]. В обеих странах ассимиляция (отказ от собственной культуры) негативно связана с самоуважением.

Обнаруженные в исследовании взаимосвязи различных видов идентичности с показателями психологического благополучия в большей степени зависят от контекста, чем взаимосвязи со стратегиями аккультурации. В частности, этническая идентичность способствует самоуважению русских в Латвии в «модели интеграции», в Грузии мы этого не обнаружили, что может быть свидетельством большей этнической жизнеспособности русских Латвии по сравнению с русскими Грузии. Более того, этническая идентичность негативно взаимосвязана с удовлетворенностью жизнью у русских Грузии. То есть в более многочисленной и более жизнеспособной группе в условиях воспринимаемого внешнего давления (русские Латвии) этническая идентичность является внутренним ресурсом повышения психологического благополучия. В малочисленной и менее жизнеспособной группе (русские Грузии в моделях ассимиляции и интеграции) этническая идентичность может стать источником психологического дискомфорта на фоне ухудшения межгосударственных отношений Грузии и России, поэтому, возможно, она негативно связана с удовлетворенностью жизнью.

Ни в одной из моделей гражданская идентичность не связана с самоуважением. В «модели интеграции» обнаружены негативные взаимосвязи гражданской идентичности с удовлетворенностью жизнью русских Грузии. Можно говорить о неоднозначной роли гражданской идентичности в процессе аккультурации. С одной стороны, она связана с выбором стратегии интеграции, с другой — напрямую не связана с самоуважением. В случае Грузии для гражданской идентичности обнаружены негативные взаимосвязи с удовлетворенностью жизнью в «модели интегра-

ции», в случае Латвии — в «модели ассимиляции». Это говорит о проблемах, мешающих полноценной гражданской интеграции меньшинств. Наши результаты сопоставимы с результатами, полученными в Эстонии — при воспринимаемом обесценивании собственной группы удовлетворенность жизнью может снижаться даже при ориентации этнических меньшинств на интеграцию [20].

Идентичность с местом в обеих группах позитивно взаимосвязана с параметрами психологического благополучия — самоуважением и удовлетворенностью жизнью, что обнаружено в проверяемых в исследовании моделях. Несмотря на существующую взаимосвязь идентичности с местом с гражданской идентичностью ($r = 0,52$; $p < 0,001$ в Грузии и $r = 0,51$; $p < 0,001$ в Латвии) и сходством в паттернах взаимосвязей с интеграцией, существуют различия во взаимосвязях идентичности с местом и гражданской идентичности с психологическим благополучием в обеих странах. По сравнению с гражданской идентичностью, которая зависит от официальной идеологии и политики государства в отношении меньшинств, идентичность с местом, будучи идеологически нейтральным конструктом, по нашему мнению, играет компенсаторную роль в психологической адаптации русского этнического меньшинства в Латвии и Грузии. Она выполняет важную функцию «тонкой настройки» интеграции этнической группы в инокультурном контексте, подкрепляя то гражданскую, то этническую идентичность и служа двум целям: сохранению этнической самобытности группы и успешной адаптации ее членов в доминирующем обществе.

Если говорить о непрямых эффектах различных видов идентичности на показатели психологического благополучия, то к универсальным для данных двух контекстов можно отнести непрямой позитивный эффект гражданской идентичности и идентичности с местом на самоуважение через стратегию интеграции: повышая установки на интеграцию, гражданская идентичность будет способствовать самоуважению представителей русского меньшинства в Грузии и Латвии. Остальные взаимосвязи оказались зависимыми от контекста. Только в Грузии гражданская идентичность, повышая установки на ассимиляцию, способствует снижению самоуважения русского этнического меньшинства. Идеологически нейтральная идентичность с местом, «чувство дома» [29], повышает установки на интеграцию, тем самым повышая самоуважение русских Латвии и удовлетворенность жизнью русских Грузии, и играет адаптивную роль. Этническая идентичность русских Грузии способствует повышению установок на интеграцию, способствуя повышению самоуважения и удовлетворенности жизнью.

Выводы

1. В обеих странах у русских идет процесс формирования бикультурной идентичности [22], которая

является комбинацией выраженных этнической и гражданской идентичностей и выражается в ориентации на интеграцию.

2. Предикторами интеграции являются гражданская идентичность и идентичность с местом. Универсальный для обеих стран характер носят позитивные связи гражданской идентичности и идентичности с местом с установкой на интеграцию.

3. К зависимым от социокультурного и политического контекста можно отнести связи различных видов идентичности со стратегиями аккультурации: в Грузии, в отличие от Латвии, были обнаружены связи этнической идентичности с установкой на интеграцию, гражданской — с установкой на ассимиляцию, а также негативная связь идентичности с местом и установкой на ассимиляцию.

4. Прямая связь идентичности с местом с показателями психологического благополучия носит универсальный характер для исследуемых стран.

5. Идентичность с местом выполняет важную функцию «тонкой настройки» интеграции этнической группы в инокультурном контексте, служа сохранению этнической самобытности группы и успешной адаптации ее членов в доминирующем обществе.

6. Взаимосвязи гражданской и этнической идентичности с показателями психологического благополучия в значительной степени зависят от контекста. У русских Латвии самоуважению способствует этническая идентичность при выборе стратегии интеграции, гражданская идентичность препятствует удовлетворенности жизнью при выборе стратегии ассимиляции. У русских Грузии обнаружены негативные связи этнической идентичности с удовлетворенностью жизнью, как в «модели ассимиляции», так и в «модели интеграции». Гражданская идентичность в модели интеграции негативно взаимосвязана с удовлетворенностью жизнью.

7. Универсальным для данных двух контекстов можно считать непрямой позитивный эффект гражданской идентичности и идентичности с местом на самоуважение через стратегию интеграции.

Таким образом, наше исследование подтверждает тезис о том, что разные комбинации идентичностей в разных контекстах могут играть адаптивную роль [22]. И этнический, и гражданский аспекты интеграции одинаково важны и должны учитываться при построении национальной политики государства. В контекстах государств, построенных по этническому признаку, где затруднена гражданская интеграция меньшинств, гражданский и этнический компоненты социальной идентичности по-разному могут предопределять как стратегии аккультурации, так и психологическое благополучие меньшинства, в то время как идентичность с местом может играть компенсаторную роль, способствуя интеграции и повышению психологического благополучия в процессе аккультурации, поэтому ее учет необходим в дальнейших исследованиях.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00029).

Funding

The study was supported by the Russian Science Foundation (project № 15-18-00029).

Литература

References

1. Варданян Т. Грузия: идентичность в политических программах и действиях // 21-й век. Информационно-аналитический журнал. 2010. № 3. С. 48–69.
2. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М.: Российский университет дружбы народов, 2009. 420 с.
3. Межкультурные отношения на постсоветском пространстве / Под общ. ред. Н.М. Лебедевой. М.: Менеджер, 2017. 492 с.
4. Рябиченко Т.А. Ассимиляция или интеграция: роль ценностей «Самоутверждение» // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 93–104. doi:10.17759/sps.2016070307
5. Arbuckle J.L. Amos (Version 20.0) [Computer Program]. Chicago: SPSS, 2011. 680 p.
6. Arends-Tóth J., van de Vijver F. Issues in the conceptualization and assessment of acculturation // Acculturation and parent-child relationships: measurement and development / M. Bornstein, L. Cote (eds). Erlbaum, Mahwah, 2006. P. 33–62.
7. Berry J.W. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. Vol. 46. P. 5–68. doi:10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x
8. Berry J.W. Living successfully in two cultures // International Journal of Intercultural Relations. 2005. Vol. 29. P. 697–712. doi:10.1016/j.ijintrel.2005.07.013
9. Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation // Applied Psychology. 2006. Vol. 55. P. 303–332. doi:10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x
10. Berry J.W., Sabatier C. Variations in the assessment of acculturation attitudes: Their relationships with psychological wellbeing // International Journal of Intercultural Relations. 2011. 35. P. 658–669. doi:10.1016/j.ijintrel.2011.02.002
11. Birman D., Persky I., Chan W.Y. Multiple identities of Jewish immigrant adolescents from the former Soviet Union: An exploration of salience and impact of ethnic identity // International Journal of Behavioral Development, 2010. Vol. 34 (3). P. 193–205. doi:10.1177/0165025409350948
12. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The Satisfaction with Life Scale // Journal of Personality Assessment. 1985. Vol. 49. P. 71–75. doi:10.1207/s15327752jpa4901_13
13. Droseltis O., Vignoles V. Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of intrapersonal-level place preferences // Journal of Environmental Psychology. 2010. Vol. 30. P. 23–34. doi:10.1016/j.jenvp.2009.05.006
14. GeoStat 2016. 2014 General Population Census: Main Results, National Statistics Office of Georgia, Tbilisi. 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://geostat.ge/cms/site_images/_files/english/population/Census_release_ENG_2016.pdf (дата обращения 9.10.2018)
15. Grigoryev D., van de Vijver F., Batkhina A. Discordance of acculturation attitudes of the host population and
1. Vardanyan T. Gruzija: identichnost' v politicheskikh programmakh i deistvii [Georgia: identity in political programs and action]. 21-i vek. Informatsionno-analiticheskii zhurnal [21st century. Informational and analytical journal], 2010, no. 3, pp. 48–69.
2. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. (eds.), Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeistviya migrantov i naseleniya Rossii [Strategies of intercultural interaction of migrants and the host population in Russia]. Moscow. Publ. Rossiiskii universitet druzhby narodov, 2009. 420 p.
3. Lebedeva N. M. (ed.). Mezhkul'turnye otnosheniya na postsovetskom prostranstve [Intercultural relations on Post-Soviet space]. Moscow. Publ. Menedzher, 2017. 492 p.
4. Ryabichenko T. A. Assimilyatsiya ili integratsiya: rol' tsnnostei «Samoutverzhdienie» [Assimilation or integration: the role of Self-Enhancement values]. Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social psychology and society], 2016. Vol. 7, no. 3, pp. 93-104. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070307
5. Arbuckle J.L. Amos (Version 20.0) [Computer Program]. Chicago: SPSS, 2011. 680 p.
6. Arends-Tóth J., van de Vijver F. Issues in the conceptualization and assessment of acculturation. In Bornstein M., Cote L. (eds), *Acculturation and parent-child relationships: measurement and development*. Erlbaum, Mahwah, 2006, pp. 33–62.
7. Berry J. W. Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 1997. Vol. 46, pp. 5–68. doi:10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x
8. Berry, J. W. Living successfully in two cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, 2005. Vol. 29, pp. 697–712. doi:10.1016/j.ijintrel.2005.07.013
9. Berry J. W., Phinney J. S., Sam D. L., Vedder P. Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation. *Applied Psychology*, 2006. Vol. 55, pp. 303–332. doi:10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x
10. Berry J. W., Sabatier C. Variations in the assessment of acculturation attitudes: Their relationships with psychological wellbeing. *International Journal of Intercultural Relations*, 2011. Vol. 35, pp. 658–669. doi:10.1016/j.ijintrel.2011.02.002
11. Birman D., Persky I., Chan W. Y. Multiple identities of Jewish immigrant adolescents from the former Soviet Union: An exploration of salience and impact of ethnic identity. *International Journal of Behavioral Development*, 2010, no. 34 (3), pp. 193–205. doi:10.1177/0165025409350948
12. Diener E., Emmons R. A., Larsen R. J., Griffin S. The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 1985. Vol. 49, pp. 71–75. doi:10.1207/s15327752jpa4901_13
13. Droseltis O., Vignoles V. Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of intrapersonal-level place preferences. *Journal of Environmental Psychology*, 2010, no. 30, pp. 23–34. doi:10.1016/j.jenvp.2009.05.006
14. GeoStat 2016. 2014 General Population Census: Main Results. *National Statistics Office of Georgia, Tbilisi*. 2016. Available at: http://geostat.ge/cms/site_images/_

their dealing with immigrants // *Journal of Intercultural Communication Research*. 2018. P. 1–20. doi:10.1080/17475759.2018.1497678

16. Haslam S.A., Ellemers N., Reicher S., Reynolds K.J., Schmitt M. Social identity tomorrow: Opportunities and avenues for advance / In T. Postmes, N. Branscombe (eds) // *Rediscovering Social Identity: Core Sources*. Psychology Press. 2010. P. 357–379.

17. Hazans M. Labor Market Integration of Ethnic Minorities in Latvia / Eds. by M. Kahanec, K.F. Zimmermann // *Ethnic Diversity in European Labour Market Challenges and Solutions*. 2011. 336 p. doi:10.4337/9780857930613.00013

18. Ivlevs A., King R.M. 2004 Minority Education Reform and pupil performance in Latvia // *Economics of Education Review*. 2014. Vol. 38. P. 151–166. doi:10.1016/j.econedurev.2013.08.010

19. Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T. Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2011. Vol. 37. P. 1423–1440. doi:10.1080/1369183X.2011.623617

20. Kus-Harbord L., Ward C. Ethnic Russians in post-Soviet Estonia: Perceived devaluation, acculturation, wellbeing, and ethnic attitudes // *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*. 2015. Vol. 4 (1). P. 66–81. doi:10.1037/ipp0000025

21. Liebkind K. Acculturation // *Blackwell handbook of social psychology: Intergroup processes* / R. Brown, S. Gaertner (Eds.). Oxford: Blackwell, 2001. P. 386–406.

22. Liebkind K., Mähönen T.A.E., Varjonen S.A., Jasinskaja-Lahti I. Acculturation and identity // *Cambridge handbook of acculturation psychology* (2nd ed.) / D.L. Sam, J.W. Berry (Eds.). Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2016. P. 30–49. doi:10.1017/CBO9781316219218.004

23. Muiznieks N., Rozenvalds J., Birka I. Ethnicity and social cohesion in the post-Soviet Baltic states // *Patterns of Prejudice*. 2013. Vol. 47(3). P. 288–308. doi:10.1080/0031322X.2013.812349

24. Nguyen A.D., Benet-Martínez V. Biculturalism and adjustment: A meta-analysis // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2013. Vol. 44. P. 122–159. doi:10.1177/0022022111435097

25. Nilsson N., Popjanevski J., Metreveli E., Yakobashvili T. State Approaches to National Integration in Georgia: Two Perspectives. *Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center*, 2009. 66 p.

26. Phinney J.S., Devich-Navarro M. Variations in bicultural identification among African American and Mexican American adolescents // *Journal of Research on Adolescence*. 1997. Vol. 7. P. 3–32.

27. Phinney J.S., Horenczyk G., Liebkind K., Vedder P. Ethnic identity, immigration, and well-being: An interactional perspective // *Journal of Social Issues*. 2001. Vol. 57. P. 493–510. doi:10.1111/0022-4537.00225

28. Piontkowski U., Rohmann A., Florack A. Concordance of acculturation attitudes and perceived threat // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2002. № 5. P. 221–232. doi:10.1177/1368430202005003003

29. Qazimi S. Sense of Place and Place Identity // *European Journal of Social Education and Research*. 2014. Vol. 1 (1). P. 306–310. doi:10.26417/ejser.v1i1.p306-310

30. Regelmann A.-Ch. Introduction – Minority Participation in Estonia and Latvia // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2014. Vol. 13 (1). P. 1–18.

files/english/population/Census_release_ENG_2016.pdf (Accessed 9.10.2018)

15. Grigoryev D., van de Vijver F., Batkhina A. Discordance of acculturation attitudes of the host population and their dealing with immigrants. *Journal of Intercultural Communication Research*, 2018, pp. 1–20. doi:10.1080/17475759.2018.1497678

16. Haslam S.A., Ellemers N., Reicher S., Reynolds K.J., Schmitt M. Social identity tomorrow: Opportunities and avenues for advance. In T. Postmes and N. Branscombe (eds), *Rediscovering Social Identity: Core Sources*. 2010. Psychology Press, pp. 357–379.

17. Hazans M. Labor Market Integration of Ethnic Minorities in Latvia. Eds. by M. Kahanec, K.F. Zimmermann. *Ethnic Diversity in European Labour Market Challenges and Solutions*, 2011. 336 p. doi:10.4337/9780857930613.00013

18. Ivlevs A., King R. M. 2004 Minority Education Reform and pupil performance in Latvia. *Economics of Education Review*, 2014. Vol. 38, pp. 151–166. doi:10.1016/j.econedurev.2013.08.010

19. Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T. Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2011. Vol. 37, pp. 1423–1440. doi:10.1080/1369183X.2011.623617

20. Kus-Harbord L., Ward C. Ethnic Russians in post-Soviet Estonia: Perceived devaluation, acculturation, wellbeing, and ethnic attitudes. *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*, 2015. Vol. 4 (1), pp. 66–81. doi:10.1037/ipp0000025

21. Liebkind K. Acculturation. In R. Brown S. Gaertner (Eds.). *Blackwell handbook of social psychology: Intergroup processes*. Oxford: Blackwell, 2001, pp. 386–406.

22. Liebkind K., Mähönen T.A.E., Varjonen S.A., Jasinskaja-Lahti I. Acculturation and identity. In D.L. Sam, J.W. Berry (eds.), *Cambridge handbook of acculturation psychology* (2nd ed.), 2016. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, pp. 30–49. doi:10.1017/CBO9781316219218.004

23. Muiznieks N., Rozenvalds J., Birka I. Ethnicity and social cohesion in the post-Soviet Baltic states. *Patterns of Prejudice*, 2013. Vol. 47(3), pp. 288–308. doi:10.1080/0031322X.2013.812349

24. Nguyen A.D., Benet-Martínez V. Biculturalism and adjustment: A meta-analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013. Vol. 44, pp. 122–159. doi:10.1177/0022022111435097

25. Nilsson N., Popjanevski J., Metreveli E., Yakobashvili T. State Approaches to National Integration in Georgia: Two Perspectives. *Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center*, 2009. 66 p.

26. Phinney J.S., Devich-Navarro M. Variations in bicultural identification among African American and Mexican American adolescents. *Journal of Research on Adolescence*, 1997, no. 7, pp. 3–32.

27. Phinney J.S., Horenczyk G., Liebkind K., Vedder P. Ethnic identity, immigration, and well-being: An interactional perspective. *Journal of Social Issues*, 2001. Vol. 57 (3), pp. 493–510. doi:10.1111/0022-4537.00225

28. Piontkowski U., Rohmann A., Florack A. Concordance of acculturation attitudes and perceived threat. *Group Processes and Intergroup Relations*, 2002, no. 5, pp. 221–232. doi:10.1177/1368430202005003003

29. Qazimi S. Sense of Place and Place Identity. *European Journal of Social Education and Research*, 2014. Vol. 1 (1), pp. 306–310. doi:10.26417/ejser.v1i1.p306-310

31. Rosenberg M. Society and the adolescent self-image. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965. 326 p. doi:10.1515/9781400876136
32. Sabanadze N. States, Minorities and Regional Hegemons in the South Caucasus: Whose Responsibility to Protect / In Palermo, F. and Sabanadze N. (eds.) // National Minorities in Inter-State Relations, OSCE HCNM, 2011. 171 p. doi:10.1163/ej.9789004175983.i-274.54
33. Shafir G. Immigrants and Nationalists: Ethnic Conflict and Accommodation in Catalonia, the Basque Country, Latvia, and Estonia. New York: State University of New York Press, 1995. 296 p.
34. Schwartz S.J., Vignoles V.L., Brown R., Zagefka H. The identity dynamics of acculturation and multiculturalism: Situating acculturation in context / In V. Benet-Martínez, Y.-Y. Hong (Eds.) // Oxford library of psychology. The Oxford handbook of multicultural identity (P. 57–93). New York, NY, US: Oxford University Press, 2014. 560 p. doi:10.1093/oxfordhb/9780199796694.013.014
35. Statistical Yearbook of Latvia 2015. Riga: Central Statistical Bureau of Latvia. 2016. 588 p.
36. Suanet-Galchenko I., van de Vijver Fons J.R. The Role of Perceived Ethnic Vitality in Acculturation among Russian Emigrants to France, Germany, and the Netherlands // Russian Journal of Communication. 2008. Vol. 1 (4). P. 412–435. doi:10.1080/19409419.2008.10756728
37. Ulasiuk I. National Minorities and Migration in Armenia, Azerbaijan, Belarus, Georgia, Moldova, Russia and Ukraine. CARIM-East RR 2013/33, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013. 51 p.
38. Ward C., Geeraert N. Advancing acculturation theory and research: The acculturation process in its ecological context // Current Opinion in Psychology. 2016. Vol. 8. P. 98–104. doi:10.1016/j.copsyc.2015.09.021
39. Ward C., Rana-Deuba A. Acculturation and adaptation revisited // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1999. Vol. 30 (4). P. 422–452. doi:10.1177/0022022199030004003
40. Wheatley J. Managing ethnic diversity in Georgia: one step forward, two steps back // Central Asian Survey. 2009. Vol. 28 (2). P. 119–134. doi:10.1080/02634930903034880
30. Regelmann A. — Ch. Introduction — Minority Participation in Estonia and Latvia. *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, 2014. Vol. 13 (1), pp. 1–18.
31. Rosenberg M. Society and the adolescent self-image. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965. 326 p. doi:10.1515/9781400876136
32. Sabanadze N. States, Minorities and Regional Hegemons in the South Caucasus: Whose Responsibility to Protect. In Palermo, F. and Sabanadze N. (eds.), *National Minorities in Inter-State Relations*, OSCE HCNM, 2011. 171 p. doi:10.1163/ej.9789004175983.i-274.54
33. Shafir G. Immigrants and Nationalists: Ethnic Conflict and Accommodation in Catalonia, the Basque Country, Latvia, and Estonia. New York: State University of New York Press, 1995. 296 p.
34. Schwartz S.J., Vignoles V.L., Brown R., Zagefka H. The identity dynamics of acculturation and multiculturalism: Situating acculturation in context. In V. Benet-Martínez, Y.-Y. Hong (Eds.), *Oxford library of psychology. The Oxford handbook of multicultural identity*, 2014, New York, NY, US: Oxford University Press, pp. 57–93. doi:10.1093/oxfordhb/9780199796694.013.014
35. Statistical Yearbook of Latvia 2015. Riga: *Central Statistical Bureau of Latvia*, 2016, 588 p.
36. Suanet-Galchenko I., van de Vijver Fons J.R. The Role of Perceived Ethnic Vitality in Acculturation among Russian Emigrants to France, Germany, and the Netherlands. *Russian Journal of Communication*, 2008. Vol. 1 (4), pp. 412–435. doi:10.1080/19409419.2008.10756728
37. Ulasiuk I. National Minorities and Migration in Armenia, Azerbaijan, Belarus, Georgia, Moldova, Russia and Ukraine. CARIM-East RR 2013/33, *Robert Schuman Centre for Advanced Studies*. San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013. 51 p.
38. Ward C., Geeraert N. Advancing acculturation theory and research: The acculturation process in its ecological context. *Current Opinion in Psychology*, 2016. Vol. 8, pp. 98–104. doi:10.1016/j.copsyc.2015.09.021
39. Ward C., Rana-Deuba A. Acculturation and adaptation revisited. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1999. Vol. 30 (4), pp. 422–442. doi:10.1177/0022022199030004003
40. Wheatley J. Managing ethnic diversity in Georgia: one step forward, two steps back. *Central Asian Survey*, 2009. Vol. 28 (2), pp. 119–134. doi:10.1080/02634930903034880